

ЗАЧИНЫ ПОЭМ ГЕОРГИЯ ПИСИДЫ

Георгий Писида жил в начале VII в. и был известен своим поэтическим творчеством. Его поэмы посвящены деяниям его современника императора Ираклия и другим политическим событиям того времени. Кроме того, перу Писиды принадлежат несколько философско-религиозных поэм, в том числе «Шестоднев». Данная статья рассматривает начальные строки поэм Георгия Писиды и сравнивает их с правилами написания так называемых проэмиев (прологов к риторическим произведениям).

Ключевые слова: энокомий, проэмий, античная риторика, Ираклий, Поздняя Античность.

Георгий Писида – грекоязычный поэт, живший в первой половине VII в. н. э., при императоре Ираклии. Большую часть его наследия составляют эпические и философские поэмы. Помимо этого, ему принадлежат несколько эпиграмм и прозаическое «Житие святого Анастасия». Время его жизни пришлось на эпоху сильных политических потрясений: с 602 по 628 гг. шла последняя византийско-сасанидская война, в ходе которой персы захватили византийские территории, впоследствии возвращенные Византией (Kaegi 2003). Война сопровождалась ожесточенной религиозной пропагандой с обеих сторон.

Георгий Писида был активным участником этой пропагандистской кампании. Большая часть его работ посвящена восхвалению деяний Ираклия, в частности две его крупные поэмы: «Ираклиада» и «Персидская война». Его «Шестоднев», рассказывающий историю творения, был достаточно широко известен в Средние Века. Несмотря на то, что Георгий Писида в основном описывал современные ему события с христианской точки зрения, его труды наполнены реминисценциями античных авторов и философов.

Данное исследование является начальной частью большого проекта по изучению поэтики Георгия Писиды. Здесь представлен анализ содержания зачинов и начальных строк его поэм, независимо от того, обособлены ли они от основной части произведения. Под «прологом» же в дальнейшем будет пониматься именно такая обособленная часть произведения.

Считается, что первым произведением Писиды была поэма «К Ираклию-царю, из Африки вернувшемуся и воцарившемуся, и против Фоки». Она написана по случаю прихода Ираклия к власти, и по своему содержанию является поэтическим энкомием императору, то есть речью, посвященной восхвалению личности за ее деяния и качества¹. Правила написания энкомиев описаны греческим автором Менандром Ритором в его трактате «Царская речь» (Ὁ βασιλικὸς λόγος). Отношению Георгия Писиды к установлениям Менандра Ритора посвящена отдельная статья А. Д. Сиротенко (Сиротенко 2014), и, в какой-то мере, статья Мэри Витби (Whitby 1994), однако зачинам в этих работах почти не уделено внимания.

Менандр дает указания относительно того, как следует писать проэмий к энкомии, который посвящен императору (Menander 1981: 76). Согласно Менандру, энкомий должен начинаться с «возвеличивания» (αὔξησις), в котором будет сказано о несравненном величии правителя и о невозможности должным образом выразить его. После этого рекомендуется обратиться к Гомеру или к Музам с просьбой о вдохновении. Наконец, в конце проэмия происходит переход к основному повествованию, причем автору следует сказать, что он не знает, с чего должно начать описание императора.

Эти указания по большей части соблюдаются в ранневизантийской энкомиастической поэзии (Viljamaa 1968: 105–106). Георгий Писида в своей первой поэме также следует этим указаниям, посвящая первые несколько строк поэмы возвеличиванию императора:

Λόγος μὲν ὑμᾶς οὐ κατισχύει φράσαι,
αὐτοῦ τεθεικότος σε τοῦ Θεοῦ Λόγου,
ὑπερτετάχθαι τῶνδε τῶν ῥευστῶν λόγων·

‘Слово не дает возможности о тебе поведать
Поскольку сам Бог Слова поставил тебя
чтобы ты был выше сиюминутных слов’. (1–3)

После чего Писида пишет, что описать императора – его прямой долг («К Ираклию», 4–9):

Ὅρῳ δὲ πολλοὺς ὑμνολογοῦντας, δέσποτα,
ἰπλεῖς ἐνόπλους, θηρολέτας <κατ>ευστόχους,

¹ Определение александрийского ритора Элия Теона (Kennedy 2003: 50).

οἷς πάνσοφος νοῦς οὐ χαρακτηρίζεται
καὶ θεῖον ἦθος οὐκ ἐνωραΐζεται·
ἡμᾶς δὲ τῶν σῶν ψυχικῶν κινήματων
τὴν ἐνθεον φρόνησιν ὑμνεῖν εὐπρεπές·

‘Я вижу многих, господин, воспевающих
Вооруженных всадников, звероловов снаряженных,
Ими всемудрый разум не описывается
И божественный дух не украшается.
Нам же подобает воспевать
Божественную мысль движений твоего ума’.

Эти отрывки иллюстрируют, что в своей первой поэме Георгий Писида достаточно строго придерживался риторических правил. Считается, что второй была написана поэма «Персидская война», посвященная кампании 622 г. против персов, когда войска Византийской империи после череды поражений, одержали победу над противником. Здесь Писида начинает повествование с просьбой к Троице о вдохновении:

Ἦ τὰς ἀύλους τῶν ἄνω στρατηγίας
Τριάς διευθύνουσα φωσφόρῳ λόγῳ
πρὸς ἔμπυρόν τε καὶ πεπηγμένην στάσιν <...>
δὸς τοῖς ἀμυδροῖς τῶν λογισμῶν ὀργανοῖς
σάλπιγγος ἦχον καὶ λαλοῦσαν ἀσπίδα.
δίδαξον ἡμᾶς εὖστοχον κινεῖν ξίφος,
γλῶσσαν κατ' ἐχθρῶν, ὄπλον ἠκονημένον·

‘О, Троица, направляющая светлым словом
К пыли и к мощной схватке
Нетварное небесное воинство <...>
Дай слабому разуму
Об отзвуках горна и о копье поведать.
Научи нас точно разить врагов
Как мечом, языком, орудием острым’. (1–14)

После этого он говорит о теме своего дальнейшего повествования:

ἴθυνον ἡμᾶς ἐνθα τῆς ἐξουσίας
τῆς σῆς ἔνεστι συγγράφειν τὰ θαύματα

‘Позволь нам описать чудеса,
Тебе подвластные’. (15–16)

Аналогичным образом построен зачин к небольшой поэме философского характера «О тщете жизни», созданной на позднем этапе творчества Писиды:

Ἄνοιξον ἡμῖν τοῦ λογισμοῦ τὰς πύλας
ὁ τῆς ὄνου πρὶν διανοίωξας τό στόμα

‘Открой нам размышления двери,
О ты, некогда ослицы уста отверзший’² (1–2)

После чего Писида излагает замысел своего произведения:

τὴν τοῦ βίου ρέουσαν εἰκόνα γράφων
καὶ τῶν παθῶν τὰ κέντρα μορφῶσαι θέλω
καὶ τῷ λόγῳ τὰ νεῦρα τοῦ τύφου ξέων
δείξω τὸν ὄγκον μηδαμοῦ βεβηκότα.

‘Рисуя течения жизни картину
И изобразить источник страданий желая
Словом срезая тщеславия жилу
Покажу что гордость ни на чем не основана’. (9–12)

Этот зачин напоминает проэпий, написанный по правилам Менандра, но в нем отсутствует возвеличивание императора. С другой стороны, обращение к божеству не было необычным для позднеантичной поэзии, например, «Дионисиака» Нонна Паноппитанского (Нонн 1997: 3) начинается с подобной инвokации: «Пой же, богиня, посланца огнистого ложа Кронида» (I 1, пер. Ю. А. Голубца).

Отличительной чертой подобных зачинов является то, что они обращены к христианскому Богу. Такое положение вещей не свойственно византийской риторической традиции, поскольку она следовала античной традиции и в византийских учебниках риторики намеренно не упоминались христианские мотивы (Сиротенко 2014: 66–67). Тем не менее, имеются и примеры обратного. Например, в прологе к анонимной гомилии по случаю избавления Константинополя от аварской осады использован тот же мотив (Sternbach 1900: 298):

«Посему же, божественный Исая, обладая величайшим умом и предвидевший многое и предрекший, удели мне поведать пером пророческой благодати ... изобрази же ты мне сначала чудеса и дай увидеть, как если бы это была тень или образ

² Библейская аллюзия на ослицу, который по воли Господа заговорила со своим хозяином Валаамом (Числа.22:28)

древнего Иерусалима, сколько чудес и знамений сотворила Богородица милостью Божьей над этим городом».

Пролог к написанной Георгием Писидой по этому же поводу «Аварской войны» организован аналогичным образом, только вместо обращения к Исаие автор приводит похвалу Богородице:

Τῶν ζωγράφων τις εἰ θέλει τὰ τῆς μάχης
τρόπαια δεῖξαι, τὴν Τεκοῦσαν ἀσπόρως
μόνην προτάξοι καὶ γράφοι τὴν εἰκόνα·
ἀεὶ γὰρ οἶδε τὴν φύσιν νικᾶν μόνη,
τόκῳ τὸ πρῶτον καὶ μάχῃ τὸ δεύτερον·

‘Если кто из живописцев захочет изобразить
Трофеи битвы, без зачатия родившей
Одной стоит поклониться и написать образ
Ибо только она способна превозмочь природу
Сначала родами, а затем и битвой’. (1–5)

В зачине к этому произведению отсутствует просьба о божественной помощи. Его скорее можно рассматривать как «восхваление» объекта повествования, то есть Богородицы. Во второй части пролога Георгий сообщает читателю о своем замысле. Читателем и адресатом произведения скорее всего является патриарх Сергей, один из организаторов обороны города.

Ἐγὼ δὲ μικροὺς τῶν ἀγόνων, ὡς ῥόδα,
λόγους συνάξας ἐξ ἀκανθῶν τῆς μάχης,
σοὶ τῷ φυτουργῷ τῶν φρενοσπόρων λόγων
τούτους προσάξαι συμφερόντως εἰλόμην

‘Я, малые, словно розочки, рассказы о стычках
Собрав с кустарника битвы
Тебе, садовнику речей насаждающих разум,
Сорвал, решив их вместе сложить’. (10–13)

Таким образом, здесь мы видим, что зачин «Аварской войны» в общих чертах следует правилам написания проэпия к энкомиию. Однако, подобных правил может придерживаться и гомилия.

Поэма «Ираклиада» написана около 630 г. и прославляет деяния Ираклия, приведшие к окончанию войны с персами. Таким образом, текст этот по своему жанру близок к энкомиию. Однако, А. Д. Сиротенко пишет, что «Писиды приступает “к делу” без проэпия» (Сиротенко 2014: 66). Если мы обратимся к

зачину поэмы, то увидим, что он посвящен изображению всеобщего ликования:

Ἀγαλλιᾶσθω πᾶς χορὸς τῶν ἀστέρων
τὸν ἀστροδόουλον δεικνύων πεπτωκότα
καὶ τὴν ἑαυτοῦ πτῶσιν ἠγνοηκότα·

‘Да пусться звезды радостно в пляс
Указывая на поверженного звездопоклонника,
не предвидевшего собственного падения’. (1-3)

Подобным же образом начинаются небольшие поэмы «О возвращении креста» и «О воскресении». Они тоже созданы в честь знаменательных событий. Первая чествует возвращение Креста Животворящего в Иерусалим из Персидского плена. Вторая начинается как поэма по случаю праздника Воскресения Христова, но ее вторая часть посвящена рождению первенца у Ираклия.

Λευχειμονοῦσα νῦν προῆλθεν ἡ κτίσις
τὸ γὰρ σκοτεινὸν ἐκδιδύσκεται χρέως
λευκὴν δὲ φωτὸς ἀμφιέννυται χάριν.

‘Одетая в белое шествует ныне природа
Законно тьма разоблачена
Свет оделся в яркую радость’. («О воскресении», 1–3)

᾿Ω Γολγοθὰ σκίρτησον· ἡ κτίσις πάλιν
᾿λλη σε τιμᾶ καὶ καλεῖ θεηδόχον·
ἐκ Περσίδος γὰρ ὁ βασιλεὺς ἀφιγμένος
τὸν σταυρὸν ἐν σοὶ δεικνύει πεπηγμένον·

‘Скачи, Голгофа! Снова всё сотворенное
Тебя почитает и зовет богоугодной
Ибо царь из Персии вернувшись
Крест в тебе приказал утвердить’.

(«О возвращении креста», 1–4)

В предписаниях Менандра относительно энкомия императору нет упоминания о подобных мотивах. С другой стороны, у него присутствуют указания для сочинения речи «о прибытии» (ὁ ἐπιβατήριος λόγος). Такая речь должна произноситься в случае прибытия автора в родной или в любой другой город, а также в случае приезда в город нового градоначальника (ἄρχων). Проэмиий должен быть посвящен радости, охватившей автора или граждан города (Menander 1981: 94). Следовательно, зачин этих поэм можно рассматривать как проэмиий, составленный по правилам речи «о прибытии».

Однако, здесь существует и другая возможность. Подобные призывы к радости встречаются во всей христианской традиции. Например, Ефрем Сирийский таким же образом начинает свой энкомий апостолам:

Χαίρετε Χριστοῦ βασιλεῖς, ἅγιοι Απόστολοι· ὑμῖν γὰρ τὴν ἄνω καὶ κάτω βασιλείαν ἐπίστευσε... Χαίρετε, τὸ ἅλας τῆς γῆς, τὸ μηδέποτε μαρανθῆναι δυνάμενον. Χαίρετε, τὸ φῶς τοῦ κόσμου, τὸ μένον ἐν τῇ ἀνατολῇ καὶ λάμπον πανταχοῦ, τὸ φωτίζον τοὺς ἐσκοτισμένους·

‘Радуйтесь цари Христовы, святые апостолы, вам доверено царство горнее и долнее ... Радуйтесь, соль земли, никогда свою силу потерять не способная. Радуйтесь, свет мира, на востоке пребывающий и все освящающий ...’.

(«Энкомий Петру, Павлу, Андрею, Фоме, Луке и Иоанну»)

Таким образом, мы вновь не можем однозначно определить, на какие образцы ориентировался Георгий Писида, поскольку зачины такого рода обнаруживаются как в классической риторической традиции, так и в христианской гомилевтике.

В поэме «Против Севира Антиохийского», которая направлена против монофизитского патриарха Севира (465–538), имеется небольшой энкомий правителю. Поэма была создана после победы над персами в тот момент, когда христологические споры стали предметом пристального интереса Ираклия, и он попытался примирить различные взгляды на природу Христа созданием монофелитства (учения о объединении двух природ Христа одной волей). Видимо, именно поэтому первые 80 строк поэмы посвящены восхвалению императора. Например, самое начало произведения использует гомеровский образ «золотой небесной цепи» («Цепь золотую свесив с небес // все ухватитесь богини и боги». Ил. 8.17.) и называет Ираклия этой цепью, связывающей небо и землю:

Χρυσῆν ἀληθῶς οὐρανοῦ σειρὰν βλέπω
τὴν σὴν πρὸς ἡμᾶς φροντιμωτάτην φρένα
σὺ μὲν γὰρ ἀκρότητι τῶν ἄνω λόγων
σεαυτὸν ἐστήριξας, ἐκ δὲ σοῦ πάλιν
ἡμεῖς τὰ τέκνα πάντες ἐξηρημένοι
ἀρθῶμεν ἐν σοὶ τοῖς μεταρσίοις λόγοις
πρὸς τὰς ἐπάρσεις τῶν ἐν ὕψει δογμάτων
εἰ καὶ γεῶδες δυσφοροῦμεν φορτίον

‘Воистину вижу небес цепь золотую
Разумнейшей твоей о нас заботы

Ты усилился величию своих слов,
 Свыше данных слов,
 Все мы, дети, от тебя зависящие,
 Поднялись при помощи твоих небесных слов
 На высоту горних догматов
 Даже негодую на земные несчастья'. (1–8)

Как мы видим, этот отрывок напрямую не связан с порицанием Севира или с обсуждением богословских вопросов, и может рассматриваться как проэпий. Подобным образом Георгий Писида начинает и свой «Шестоднев». Это достаточно большое (более двух тысяч строк) произведение излагает библейскую историю творения; оно адресовано патриарху Сергию, которому посвящено около пятидесяти строк в начале поэмы:

Ὡ παντὸς ἔργου καὶ θεηγόρου λόγου
 καὶ γλῶσσα καὶ νοῦς καὶ τροφή καὶ καρδία
 τὰ ρεῖθρα τῶν σῶν οὐρανοδρόμων λόγων
 ‘О, всякого дела и богозящего слова
 Язык и ум, и питание, и сердце.
 Поток твоих по небу бегущих слов
 Вливается в мое иссушенное сердце’. (1–4)

В двух поэмах Георгия Писиды выделить проэпий достаточно сложно. «К патрикию Бону», является панегириком должностному лицу, оставленному императором руководить Константинополем в его отсутствие. Поэма начинается с противопоставления подвигов Геракла и задач, поставленных Ираклием перед Боном:

Πάλαι μὲν εἶχεν Ἡρακλῆς Εὐρυσθέα
 μικρῶν ἀγῶνων, ὡς δοκεῖ μοι, προστάτην·
 τί γὰρ τὸ κοινὸν ὠφέλησε τοῦ βίου
 κάπρος φονευθεὶς ἢ λέων πεπνιγμένος;
 ἀντεισφορᾷ δὲ σήμερον τῶν κρειττόνων
 σοί, τῷ συνόπλῳ, κοσμικὴν ἀγωνίαν
 ὁ κοσμορύστης Ἡρακλῆς ἐπιτρέπει·
 οὐκ εἰς φόνους γὰρ τεχνικόν σε τοξότην,
 ἀλλ' εἰς τὸ σῶζειν οἶδε τεχνίτην μέγαν.

‘Как мне кажется, некогда Еврисфей
 Приказал Гераклу совершить подвиги маловажные.
 Ибо как помогут общему благу
 Убитый кабан и задушенный лев?
 Ираклий же, спаситель мира

Тебе за твои великие дела доверил
 Вести битву всемирного размаха
 Ибо ты ему известен не смертоносным искусством
 стрелять из лука, а великим мастерством спасать души'. (1–9)

Этот отрывок не похож по своей структуре на проэмий к произведениям энкомического жанра. В какой-то степени этот зачин соответствует проэмию к политической речи. Согласно риторическому трактату, некогда приписываемому Гермогену Тарсскому (Kennedy 2005: 28–29), проэмий к речи должен состоять из четырех частей: протасис (утверждение), катаскева (дополнительное утверждение в поддержку первого), аподосис (другой утверждение) и басис (заключение). Упоминания Геракла в данном случае может быть протасисом и параскевой (убийства не являются великими подвигами), назначение Бона – аподосисом, а строки 8 и 9 можно рассматривать как басис, сводящий оба утверждения воедино. Таким образом, несмотря на то, что в этой поэме Георгий Писида не следует правилам написания энкомиев, он находится в русле античной риторики.

Достаточно сложно выделить проэмий в небольшой философской поэме «О человеческой жизни». Она начинается с обращения к людям, живущим суетной жизнью:

Ἄνδρες ἐγερσιγέλωτες, ὅσοι βιαπαίγμονι τέφρη
 ἀνθρακίην παθέεσσιν ἀνάπτετε, μίζατε πένθει
 χαρμοσύνην ἀγέλαστον, ἐπεὶ μετὰ τόξα γελώτων
 θυμωβόρος μελέεσσι κορύσσεται ἀσπιδιώτες.

‘Мужи смешливые, сажей игрищ
 раздувайте угли страдания, мешайте
 мучение с радостью бессмешной, ибо луком смеха
 вооружил свои длани воин-сердцегубитель³’. (1–4)

В настоящей работе творчество Писиды в основном сравнивалось с предписанными риторическими нормами. Оказалось, что Писида следовал им только в общих чертах и зачины его поэм достаточно часто нарушали законы жанра. Кроме того, в зачинах Писида часто использовал христианскую образность в тех случаях, где классическая риторика предписывала обращаться к языческим символам. Тем не менее, подобное смешение элементов было достаточно распространено в поздней

³ Дьявол (Tartagli 1998: 458)

античности. Поскольку материал, использованный для настоящего исследования, весьма ограничен, в дальнейшем предполагается его значительно расширить, что, несомненно, обогатит наши выводы.

Литература

- Bergamo, N. 2008: *Expeditio Persica of Heraclius: holy war or crusade? Porphyra* 8, 94–107.
- Kaegi, W. 2003: *Heraclius, Emperor of Byzantium*. Cambridge.
- Kennedy, G. 2003: *Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric*. Translated with introduction and notes by G. A. Kennedy. Atlanta.
- Kennedy, G. 2005: *Invention and Method. Two Rhetorical Treatises from the Hermogenic Corpus*. Translated with introduction and notes by G. A. Kennedy. Atlanta.
- Menander, 1981: *Menander Rhetor*. Ed. Russel D. A., Wilson N. G. Oxford.
- Nonnus 1997: *The Dionysiaca*. Tr. Yu.A. Golubets. St.Petersburg: Aleteia.
Нонн Панополитанский 1997. *Деяния Диониса*. пер. Ю. А. Голубца. СПб: Алетейя.
- Pertusi, A. 1959: *Giorgio di Pisidia, Poemi: I. Panegirici epici*. Ettl.
- Sirotenko, A. D. 2014: [Menander and Pisida: on the question of the image of emperor Heraclius]. *Vizantiyskiy vremennik* 73, 62–72.
Сиротенко, А. Д. 2014: Менандр и Писида: к вопросу об изображении императора Ираклия. *Византийский Временник* 73, 62–72.
- Sternbach, L. 1900: *Analecta avarica*. Cracoviae.
- Tartaglia, L. 1998: *Carmi di Giorgio Pisida*. A cura di Luigi Tartaglia. Torino.
- Viljamaa, K. 1968: *Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period* (Commentationes Humanarum Litterarum. Vol. 41).
- Whitby, M. 1994: *A New Image for a New Age: George of Pisidia on the Emperor Heraclius*. In: Dabrowa, E. (ed.). *The Roman and Byzantine Army in the East*. Cracow, 197–226.

D. G. Pleshak. Prologues in the works by George of Pisida

George of Pisida is a Greek author of the first part of the 7th century. His works in general concerned either contemporary political events or religious and philosophical questions. He focused his efforts on creating a new imperial ideology, that would combine old Roman and Classical Greek features with new Christian ideas. Nowadays he is mainly known for his works praising the Emperor Heraclius, therefore he is considered to belong to authors-panegyrist, whose works exalt particular people for their certain actions or qualities.

The paper examines the initial parts of all of his poems with regard to their correspondence with the traditional principles of prooemia (i.e. prologues for rhetorical compositions). It was ascertained, that the only work closely following these principles was his first poem, *On Return of Heraclius*. In other poems the author often mixed different genres of prooemia, e.g. beginning a laudatory speech for the Emperor with a prooemium proper for the governor's arrival to the city, or with a prooemium normally preceding a court speech.

Another important feature was that invocations to deities prescribed for prooemia are used in George's works, though instead of pagan gods, he always used Christian ones, such as Virgin Mary or the Trinity. Nonetheless, one can find examples of such use in other Christian works, e.g. in homilies and in encomia to Christian Saints.

Keywords: encomium, prooemium, Classical rhetoric, Heraclius, Late Antiquity.